

ТИПЫ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ ГОВОРЕ ЗАРАСАЙСКОГО РАЙОНА ЛИТОВСКОЙ ССР

О. ШУЛЕНЕ

В настоящей статье делается попытка описания типов безличных предложений, бытующих в говоре русского старожильского населения Зарасайского района Литовской ССР.

Исторические и этнографические данные о переселении русских в Литву в настоящий момент весьма немногочисленны. Имеется ряд письменных источников, говорящих о том, что основная масса русских пришла в Литву около 300 лет назад из псковско-новгородской земли в связи с расколом русской церкви и гонением на старообрядцев¹ (старообрядцы «федосеевского согласия», хотя в настоящий момент они называют себя «поморцами»). Подтверждение подобных толкований неоднократно приходится слышать и из уст самих жителей. Но самым убедительным доказательством являются, безусловно, языковые данные, которые подтверждают исторические свидетельства. Начало лингвистического изучения русских говоров на территории Литвы имеется в работе В. Н. Немченко², касающейся преимущественно лексической стороны говоров старообрядцев Ионовского района, т. е. района центральной части Литвы.

Материалом для настоящей статьи являются записи речи различных представителей данного говора, проведенные в течение двух лет (1960—1961 гг.). Всего обследовано 8 населенных пунктов. Сведения собраны более чем от 100 человек, преимущественно от носителей архаических особенностей говора.

В нашей работе описывается говор Зарасайского района, т. е. северо-восточной части Литвы, граничащей на севере с Латвией, на востоке — с Белоруссией. В частности, изучался говор следующих

¹ См. В. Волков, Сведения о начале, распространении и разделении раскола и о расколе в Витебской губернии, Витебск, 1866, стр. 31—69; П. И. Корецкий, О раскольниках в Ковенской губернии. — «Памятная книга Ковенской губернии на 1861 г.» стр. 1—46; В. Е. Макаров, Очерки истории старообрядчества от Никона до наших дней, М., 1911, стр. 58—59; К. Плотников, История русского раскола старообрядчества, СПб, 1911, стр. 84—93.

² См. В. Н. Немченко, Говор русских старожилов Ионовского района Литовской ССР, к/д, Вильнюс, 1961.

пунктов Зарасайского района: д. Рестанишки (12 км. от г. Зарасай), м. Дегучай (15 км.), д. Пожеймы (18 км.), д. Сурgedы (28 км.), д. Шунелки (7 км.), д. I-Шукишкес (10 км.), д. II-Шукишкес (11 км.), д. Надунай (14 км.).

Сложное историческое прошлое носителей данного говора, многочисленные связи с другими славянскими языками (белорусским и польским), а также с литовским языком естественно должны привлечь внимание лингвистов, так как здесь имеется масса интереснейшего материала как в области современного изучения диалекта, так и в области исторической диалектологии, а также исторической грамматики русского языка.

Задачей данной статьи, как уже сказано, является описание типов безличных предложений в данном говоре, попытка классификации их на основе грамматической структуры, исходя из особенностей строения главного члена. Подобный принцип мы находим и в работе А. Б. Шапиро «Очерки по синтаксису русских народных говоров»³. Однако вопрос о безличных предложениях в указанной работе дан весьма кратко, что объясняется широтой проблематики (автор ставил своей целью дать описание всех синтаксических явлений, причем для всех русских говоров). Так, описывая типы безличных предложений, А. Б. Шапиро обращает внимание только на морфологическое выражение главного члена, оставляя в стороне многие интересные вопросы синтаксической и семантической природы безличных конструкций, а также их функций в речи.

Вводя иную последовательность при анализе типов, которая, на наш взгляд, является более логичной, мы некоторые типы классификации А. Б. Шапиро совсем опускаем (напр., тип 9⁴), так как не считаем их безличными. Кроме того, чтобы выяснить причину сохранения той или иной конструкции, мы стараемся описание типов связать с вопросом происхождения некоторых безличных конструкций, уделяя одновременно внимание и их функциям.

Безличные конструкции широко распространены в говоре. Наиболее характерными среди них надо считать конструкции с главным членом — глаголом бытия и родительным падежом имени типа «*есть стариков*» и особенно конструкции с кратким страдательным причастием среднего рода в роли главного члена типа «*памятник поставлено*». Подобные безличные конструкции не раз привлекали внимание исследователей, но вопрос о них считается далеко не решенным, как и многие другие вопросы синтаксиса русских народных говоров⁵.

Отличительной особенностью односоставных безличных предложений является то, «...что главный член их не вызывает представления об

³ См. А. Б. Шапиро, Очерки по синтаксису русских народных говоров, М., 1953.

⁴ См. А. Б. Шапиро, указ. соч., стр. 143.

⁵ См. В. И. Боровский, Использование диалектных данных в трудах по историческому синтаксису восточнославянских языков, М., 1958, стр. 26—30; 34—39.

отнесении действия или признака, о которых утверждается в предложении, к предмету как его производителю или носителю»⁶.

В изучаемом говоре мы находим ряд конструкций, где действие или признак проявляются независимо от активного деятеля, хотя формально в них имеется грамматическое подлежащее (тип «*жена не надо тебе*»; «*вы мне надо*»; «*первая девушка положено против часовни*»), и, наоборот, конструкции, где логическое подлежащее выражено с помощью косвенного падежа (тип «*есть стариков*», «*всяких естя детей*»). Отсюда возникает вопрос: во-первых, правомерно ли данные конструкции считать безличными или вернее отнести их к двусоставным, т. е. личным конструкциям, и, во-вторых, какова причина употребления подобных конструкций в говоре. Давая описание каждого типа, мы отмечаем употребительность той или иной конструкции, на основании чего можно будет сделать вывод о живых и отмирающих типах.

В изучаемом говоре встретились следующие типы безличных предложений (по структурным особенностям связанные со способом выражения главного члена) — всего 10 групп. Для каждой группы указывается значение.

I. БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН КОТОРЫХ ВЫРАЖЕН ГЛАГОЛОМ (БЕЗЛИЧНЫМ ИЛИ ЛИЧНЫМ, УПОТРЕБЛЕННЫМ В БЕЗЛИЧНОМ ЗНАЧЕНИИ) В ФОРМЕ 3 ЛИЦА ЕД. ЧИСЛА ИЛИ В ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ — В СРЕДНЕМ РОДЕ, ЕД. ЧИСЛЕ

а) Сюда относятся глаголы, обозначающие явления природы, окружающей среды или внутреннее состояние живого существа:

Ап'ат' чевой -тъ хмарит. Как н'а ид'от (т. е. не везет), *так ва фс'о* (т. е. во всем) *н'а ид'от. Типер' мне шч'ака балит.* // *На холът выду — колит. На зафтре развидёла. Как акатилъ ана/, так скрос' адийалу нашло.*

б) Безличные предложения с главным членом — глаголом бытия, существования (бывает, было, стало и т. п.).

Предложения данной подгруппы могут быть нераспространенными, входящими в состав сложного предложения, или распространенными, простыми:

Бывайет, прасверл'ут дырку сльсар'а/ — плоха. Кък сичас ни сталъ/, каГо за папа (ставить)/, *тэк присылайут с Вил'н'уса. И в нашъ деревни так былъ: Анташа лавили//. Двацът' н'ат' гот нада* (отслужить в солдатах). *На йетай вот — н'а будит/, а тама -ка будит* (яблок).

II. ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН ВЫРАЖЕН ПЕРЕХОДНЫМ ГЛАГОЛОМ

Отсюда в данной конструкции обязательно присутствует прямое дополнение в форме винительного падежа существительного или местоимения, выражающих лицо или предмет, испытывающий на себе действие предиката.

⁶ А. Б. Шапиро, указ. соч., стр. 136.

Глаголы этой группы обозначают физическое или психическое состояние человека или живого существа:

Майа мама тожэ хварила/, а фунту масла см'ашала/ — вечеръм атн'алó йязык/, пам'брла (т. е. язык отнялся)⁷. Там в горѣдь йест'а майа пламенница/|. Йей палучилѣс'а так/, штѣ как бы ветрѣм свейалѣ, абы как/|. Рот се'арнулѣ. Мен'а как-тѣ давит.

Судя по нашему материалу, в говоре конструкция с прямым дополнением, обозначающим лицо, которое испытывает действие, названное безличным глаголом, большого распространения не получила, хотя в литературном языке она является широко употребительной⁸.

Возможно, сужение сферы употребления данной конструкции с винительным падежом объясняется тем, что в говоре типичным выражением субъекта, испытывающего на себе действие безличного глагола, является дательный падеж, который и вытеснил винительный падеж (см. приводимые ниже примеры III типа).

III. ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН — ГЛАГОЛ, ПРИ КОТОРОМ ИМЕЕТСЯ ДОПОЛНЕНИЕ В ФОРМЕ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

Одной из самых употребительных разновидностей безличных предложений являются в говоре предложения, где при главном члене — глаголе имеется дополнение в форме дательного падежа существительного или (чаще) местоимения без предлога со значением субъекта, переживающего действие предиката, причем этот дательный субъекта является постоянно необходимым элементом структуры, за исключением тех случаев, где пропуск его мотивирован контекстом, раскрывающим носителя состояния или действия.

Предложения описываемого типа также выражают состояние живых существ:

Мне ирв'от (т. е. меня рвет). А как сабака Гумнет/, так мне в жар кинет. Мне инагда вѣт здес' вѣт балит/, кагда й'а долѣ лижу. Мне дусит. Йим так н'а вышла. Наша папиха/, ана гарáст страдала руками/| ...Сунѣт рукѣ в муравейник — и йей прашло.

Ср. с литовским языком: *mán niėko neskaũda, jai praėjo*.

Отличительной особенностью данных конструкций по сравнению с литературным языком является, как мы уже говорили, выражение субъекта, переживающего действие предиката, не в форме родительного падежа с предлогом или винительного падежа без предлога, а в огромном большинстве случаев только дательным падежом.

⁷ В описываемом говоре довольно часто употребляются возвратные глаголы без -ся.

⁸ См. Грамматика русского языка, т. II, ч. 2, изд. АН СССР, 1954, стр. 16.

IV. ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН ВЫРАЖЕН ЛИЧНЫМ ГЛАГОЛОМ, ПРИ КОТОРОМ В КАЧЕСТВЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРУКТУРНОГО ЭЛЕМЕНТА ИМЕЕТСЯ ДОПОЛНЕНИЕ В ФОРМЕ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА НЕОДУШЕВЛЕННОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО (РЕЖЕ — МЕСТОИМЕНИЯ), ОБОЗНАЧАЮЩЕГО ФАКТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДИТЕЛЯ ДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФИЗИЧЕСКИХ ОЩУЩЕНИЙ

Ано⁹, мен'я схватилъ как-та ветрѣм/, ѡа ужэ н'а стала имет' гола-су. В ѡаво балкѣй как далó нагú! Лиш бы чим пахнѣт/ — мне нихѣра-шо. Ну, ана, навернѣе, т'оплайа вышла на вулицу, ну, ветрѣм и зѣхва-тилъ. Вз'алъ ѡана мѣлака с мѣгазину// ...Как смыла ѡану панос!!! Как актилъ ана/, так скрос' адийалу пашло.

Примечание. Последний пример, несмотря на наличие существительного в именит. падеже, пожалуй, правомернее рассматривать как особую несогласованную безличную конструкцию, где именит. падеж употреблен вместо творительного падежа со значением фактического производителя действия (т. е. *смыло ее поносом*).

V. ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН — ГЛАГОЛ СО ЗНАЧЕНИЕМ НАЛИЧИЯ ИЛИ НЕДОСТАТКА (ХВАТИТ, ХВАТАЕТ, НЕ ХВАТАЕТ, ДОСТАНЕТ и т. п.), ПРИ КОТОРОМ ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОПОЛНЕНИЕ В ФОРМЕ РОД. ПАДЕЖА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО, НАЗЫВАЮЩЕГО НАЛИЧЕСТВУЮЩИЙ ИЛИ ОТСУТСТВУЮЩИЙ ПРЕДМЕТ

Да восем' часоф хватит врем'а. Ну, н'а хватит шѣрсти — к другому придѣл'аѡут. Сахар'у дастанѣт.

Примечание. В данной разновидности безличного предложения дополнение в форме род. падежа является обязательным элементом структуры предложения. Оно может отсутствовать лишь тогда, когда предыдущее предложение дает этот наличествующий или отсутствующий предмет:

«А ѡаблѣк многа в вашѣм саду?» «Ну, дл'а свайóй с'ам'ѡи — хватит».

Имеется еще разновидность безличных предложений с главным членом, выраженным глаголом модального значения волеизъявления, возможности или невозможности действия в сочетании с инфинитивом. Таких примеров немного:

Ваймис', ваймис'/, хватит пустыйѣ рѣзгаворы гѣварит'! Мне ужэ хватит работѣт'.

VI. БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, В КОТОРЫХ ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН ВЫРАЖЕН ГЛАГОЛОМ С СУФФИКСОМ -СЯ

Здесь, как и в безличных предложениях I типа, в качестве главного члена могут употребляться глаголы 3 лица с -СЯ, безличные и

⁹ В данном примере «ано» употреблено в качестве частицы. Об употреблении «оно» в безличном предложении, см. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. I, 1925, стр. 75

личные, взятые в безличном значении. В отличие от I типа эти предложения менее разнообразны по своей структуре, но также могут выражать состояние окружающей действительности, живых существ или иметь различные модальные значения возможности либо невозможности действия и др.:

Так н'а вижу:| матусиць в глазах. Йа тожэ хател с'авонн'а немножэчка приснут',| но ни вдáл'с'а. Мне так стала,| бытта затр'аслос'. Тут случилас'а|, кто -т'ъ -к'ъ п'эдлажыл мину.

Особо отметим употребление в роли главного члена безличного предложения деепричастия на ВШЫ без -СЯ, образованного от возвратного глагола:

Сусет видал, шт'ъ ана (маленнай'а) гарит,| и х'эрашо, шт'ъ звидал|. Так и там (в Дегуч'áх) так ано был'ъ случифшы. (АНО здесь частица).

Как видно из примеров, такие безличные предложения чаще всего бывают распространенными, входящими в состав сложного предложения. Главный член в них может иметь зависимые обстоятельства и дополнения, а также выступать в роли вспомогательного глагола, имея при себе зависимый инфинитив.

В этом типе (тип VI) особо выделим широко распространенные безличные предложения, имеющие в своем составе при главном члене дополнение в форме дательного падежа местоимения и (реже) существительного со значением лица, испытывающего действие, которое обозначено глаголом на -СЯ. Здесь имеются: а) безличные предложения с дополнением в дательном падеже, **не расходящиеся по употреблению** с совр. лит. рус. языком; б) безличные предложения, **расходящиеся по употреблению** с совр. лит. рус. языком.

а) *Ж'ылос' мне гарáст х'эрашо|, а йа сам себе спортил. Мне каж'эца, шт'ъ ст'эраверы пришили|, наверна|, с Расеи.*

б) *Вот мне к'эк рас так ы случилас' (т. е. со мной случилось. Ср. с литовским яз.: *tán taip atsitiko*). В нас карофка адна|, и вот йей п'элучилас' — храмай'т (т. е. с ней получилось). В мужишинах бол'шэй част'йу придержывайуца «аха».*

Примечание. Речь идет об особенностях местного разговора. Здесь в значении: «мужчины придерживаются «аха»». Такое употребление предложного падежа множ. числа существительного в значении субъекта, производящего действие, в других говорах не отмечалось для безличных конструкций¹⁰.

Интересно отметить, что в говоре некоторые из конструкций с главным членом—глаголом на -СЯ в лит. рус. языке употребляются без -ся и, наоборот, причем наличие или отсутствие -СЯ в корне изменяет их синтаксическую структуру. Ср., напр., **в говоре без -СЯ** «от-

¹⁰ Имеются только единичные примеры: см. В. Немченко, Синтаксис русского говора Ионовского района Лит. ССР.—Ученые записки ВГУ, XXX, № 2, 1960, стр. 74; М. А. Новгородов, Говор русского старожилческого населения Дагдского р-на Латв. ССР, к/д, Д, 1958, стр. 136, 137.

няло язык» — безличная конструкция; в лит. яз. — «язык отнялся» — личная; в говоре: «я сон снил»; в лит. яз. «мне снилось»; в говоре с -СЯ: «жилося мне горазд хорошо»; в лит. яз. чаще без -СЯ — «я жил хорошо».

VII. БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ГЛАВНЫМ ЧЛЕНОМ — ГЛАГОЛОМ БЫТИЯ И РОДИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ ИМЕНИ

Это такой тип безличных предложений, в котором при главном члене, выраженном глаголом *БЫТИЯ, СУЩЕСТВОВАНИЯ (ЕСТЬ, БЫТЬ, СТАТЬ)*, обязательно присутствует родительный падеж имени существительного (реже — местоимения или прилагательного), обозначающий неопределенное количество деятелей. Напр., «*есть людей, как темная ночь*»; «*здесь лясов есть*»; «*ой, как прутков хороших есть*» и т. п. Такой родительный падеж мы будем в дальнейшем называть родительным количественным¹¹.

Примеров на данную конструкцию очень много, причем бывают случаи, когда в одном и том же предложении рядом с родительным падежом деятеля дается конструкция с именительным падежом, и это лишний раз подтверждает, что здесь родит. падежом обозначается фактический производитель действия, выраженного глаголом:

В нашый стараны лос', медвет', дажэ валкоф ретка стала: Совет пьръгубил. Йест' фс'акай рыбы: кыраси, л'ашиши.

По структуре и семантике безличные предложения с глаголом бытия и родит. количественным деятеля можно разделить на утвердительные (§ 1) и отрицательные (§ 2).

§ 1. Утвердительные предложения

Ну, как жь/, в йей ад'ожы йест' надъ красивъ ад'авацъ (т. е. у нее много одежды есть). *Перцу у мина былъ//. Где-тъ зъ'ар'алс'а* (т. е. немного перцу у меня было). *Вът такийе гарики, глин'анные//. В Зарасах йих йест'. Фс'акава ф светъ бывае. Мне варажбитка сказала: «Пайд'ош дал'ока замуш»// Шарлатанъф и ран'шь былъ. В нас сил'нъ валкоу йест'/, парвут волки.*

К безличным конструкциям указанного выше типа примыкают также конструкции с главным членом, выраженным отглагольными формами (кратким страдат. прич. ср. рода и деепричастием на ВШИ).

Рыбы былъ привезьна, бъръвикой (т. е. много было привезено). *Здес' ф сарайъ былъ астафшы кукурузы.*

¹¹ О закономерности употребления термина родительный «количественный» вместо старого, неточного — родительный «разделительный» или родительный «части», см. А. И. Томсон, К вопросу о возникновении родительного-винительного в славянских языках. Приглагольный родительный в праславянском языке. Изв. ОРЯС, т. XIII, кн. 3, СПб, 1908, стр. 286—287; Курс сучасної української літературної мови. За ред. Л. А. Булаховського, т. II, Київ, 1951, стр. 76.

Примеры с личной конструкцией при родит. количественном в описываемом говоре представлены ограниченным количеством случаев:

Вз'алъ йана м'лака с м'газину. На света видафшы. Мат' дом прѣдала и сыну ден'ги н'а давала], йон вз'ал б'анзину и матку спалил.

Многочисленные примеры на употребление родит. количественного со значением субъекта в речи различных представителей говора (стариков и детей) позволяют считать эту конструкцию живой и одной из наиболее важных синтаксических особенностей говора. Являясь характерной особенностью северновеликорусских говоров, данная конструкция встречается и в других русских говорах¹² (напр., псковских); известна она и литературному языку¹³, преимущественно в его разговорной форме, хотя «Грамматика русского языка» изд. АН СССР данную конструкцию не отмечает.

Конструкция с родительным количественным имени является очень древней, имеющейся в древнерусском языке и восходящей к общеславянскому праязыку. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка» приводит примеры из древнеболгарского, сербского, словенского, чешского и словацкого языков¹⁴. Подобные примеры мы находим в белорусском (*ў мяне грошей ёсць*), польском (*jest karasiow w stawie*), а также в литовском (*yra visokių žmonių*) языках по говорам.

По вопросу происхождения безличных оборотов с родительным колич. имени существуют две точки зрения: одна — А. А. Шахматова и другая — Е. Ф. Карского.

Исходя из того, что в основе данной конструкции с родит. падежом лежит представление о каком-то множестве, неопределенном количестве предметов, А. А. Шахматов пишет: «**Было народу** явилось под влиянием **было много народу**, причем **было народу** заменило, как кажется, непосредственно предложение **было народ**, где нарушено согласование подлежащего со сказуемым... Когда в предложениях **было народ**, **было деньги** именит. падеж не оказывается в согласовании с формой сказуемого, когда при нем не оказывалось сказуемого, он уступал место родит. падежу под влиянием предложений: **было много народу**, **было много денег**»¹⁵.

Следовательно, согласно А. А. Шахматову, более древней считалась конструкция с именит. падежом при связке *есть*, которая в силу нарушения согласования привела к возникновению безличной конструкции.

Продолжая свою мысль по данному вопросу, А. А. Шахматов в другом месте замечает: «Возможно, что эта безличная связка *есть*,

¹² См. И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко, О типах синтаксических различий русских говоров. — Изв. АН СССР, отдел. лит. и яз., т. XX, вып. 4, 1961, стр. 312—313.

¹³ См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. I, стр. 106.

¹⁴ См. там же, стр. 105.

¹⁵ Там же, стр. 105.

бысть, будеть оказала сильное влияние на развитие безличных глаголов. В частности она употреблялась при наречиях количественных, как **много, мало, неколико** и т. п. для обозначения именно наличности в настоящем времени; эти наречия имели при себе родит. разделительный. Родит. разделительный проникал из таких предложений в предложения отрицательные с **несть, не бысть, не будеть; мало есть молока, много бе хлеба** вызвали **несть молока, не бе хлеба** — притом еще в общеславянском праязыке»¹⁶.

Иное мнение по вопросу возникновения данной конструкции с родит. падежом при **ЕСТЬ** высказывает Е. Ф. Карский, который рассматривает ее появление, наоборот, как результат влияния отрицательных конструкций типа **НЕСТЬ**¹⁷.

Мы разделяем точку зрения А. А. Шахматова о связи конструкции с родит. падежом с представлением о каком-то множестве, неопределенном количестве, что доказывается всеми приводимыми выше примерами данного говора.

На наш взгляд, не столь важно, отрицательная или утвердительная конструкция породила безличность (ибо они обе могут оказывать взаимовлияние), но важно, что именно **нарушение согласования** вызывает безличность. Это положение мы попытаемся доказать и в дальнейшем, при анализе других безличных конструкций.

Вызывает некоторые разногласия конструкция с родительным падежом существительного, где количественное понятие выражено словами **МНОГО, МАЛО, НЕКОЛЬКО, НЕМНОГО** и т. п. при глаголах бытия.

А. Б. Шапиро дает их как определенный тип безличных предложений¹⁸, а А. А. Шахматов непоследовательно высказывается, относя их то к двусоставным, личным, то к односоставным, безличным¹⁹.

Мы считаем, что, как и в современном русском литер. языке, сочетание **МНОГО**+родит. падеж сущ. надо считать одним членом, т. е. подлежащим²⁰, — см. след. примеры: *За сашу — лес|, там йест' валкоф много; вот клубник скол'ка у нас!; нын'ча много буракоў.* Во всех этих примерах присутствуют два состава: подлежащее, образуемое сочетанием неопред.-колич. слов **МНОГО, МАЛО, СКОЛЬКО** с существительными в родительном падеже, и сказуемое, выраженное глаголом бытия.

2. Отрицательные конструкции

Здесь можно выделить следующие структурные разновидности выражения отрицания: 1) Главный член выражен отрицательным словом

¹⁶ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. 2, стр. 52—53.

¹⁷ Е. Ф. Карский, Белоруссы, Варшава, т. II, в 3, 1912, стр. 17.

¹⁸ А. Б. Шапиро, указ. соч., стр. 143.

¹⁹ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. I, стр. 107.

²⁰ Е. М. Галкина-Федорук, Безличные предложения в современном русском языке, М., МГУ, 1958, стр. 93.

НЕТ; 2) Главный член выражен сочетанием отрицательно частицы НЕ с глаголами бытия, существования *БЫТЬ*, *СТАТЬ* в формах прошедшего и (реже) будущего времени.

В качестве обязательного элемента структуры безличных отрицательных конструкций также присутствует имя существительное в род. падеже (реже — субстантивированное прилагательное или мест.), обозначающее объект отрицания:

1. *П'атун пайот — дажж'у нет. Ф т'ур'мы с'адит/, йешчэ с'уду нет. Пъ хаз'аинъм жыфшы дети наши/: што фабрикъф, заводъф нет/, вот ы нанимайт.*

2. *Тут в нас памешшыка не б'ылъ. После то'ва р'ыбы н'а стали. Йа прин'асу йаг'ът, как б'ожжу н'а буд'ът.*

Среди безличных конструкций изучаемого говора встретился только один пример, где отрицаемый объект, выраженный сочетанием числительного с сущ., стоит не в родит., а в именит. падеже: *Мат'/ йей йаши'о сорък гот не былъ, п'омърла.*

Подобные конструкции с именит. падежом отрицания имеются и в других русских говорах, напр.: «*В деревне раньше ни у кого не было единой самовар*»²¹ Возможно, они то и являются живыми следами старины, говорящими о развитии безличности и подтверждающими мысль А. А. Шахматова о том, что нарушение согласования между сказуемым и подлежащим ведет к замене формы именительного падежа формой родит. и в отрицательных конструкциях²².

Следовательно, есть основания видеть связь между безличной конструкцией с родит. количественным и конструкцией с родит. отрицания, так как причина происхождения их общая, что заставило нас рассматривать их как две разновидности (утвердительную и отрицательную) одного типа безличных предложений с родит. падежом.

VIII. БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН КОТОРЫХ ВЫРАЖЕН СЛОВАМИ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

В роли предикативных членов безличных предложений этого типа могут выступать различные слова категории состояния:

1. По форме совпадающие с наречиями или краткими прилагательными на — О; напр.: худо, спорко, з'азорно, тяжело, слышно, до'вольно и т. п.

2. Немногочисленная группа застывших форм имен существительных типа: охота, время, пора, байки и т. п.

3. Слова наречного происхождения типа: негде, некогда, некуда и т. п.

Главный член этих предложений может выражать состояние относительно к какому-либо субъекту (напр., состояние окружающей действительности: «*с'явоння тепла*»), а также состояние субъекта, представленного дательным падежом («*яму больна*»).

²¹ А. Б. Шапиро, указ. соч., стр. 140—141.

²² А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 107.

У некоторых безличных предложений данного типа имеются соответствующие личные конструкции. Напр., рядом с безличным предложением типа «*мне нет когда за ними ухаживать, мне время нет*», в говоре можно услышать и личное: «*я не имею времени*», причем последний, личный вариант встречается относительно редко. Возможно, что появление подобных личных конструкций в говоре объясняется влиянием литовского языка (ср. в литовском языке: *aš neturiu laiko*).

По своей структуре главный член безличного предложения может быть выражен либо а) только словом категории состояния, либо б) категорией состояния в сочетании с инфинитивом, где основная семантическая нагрузка падает именно на слово категории состояния. Напр.: «*зимой тёмно писать*»; ср. «*зимой тёмна*».

1. Главный член образован от наречий или прилагательных на — о

По значению эти предложения могут выражать состояние человека или окружающей среды:

Й'а один с сошкѣй/, а семьрѣ с лошкой/|. Вот и ни споркѣ. (т. е. не хватает, мало). *Тѣк/, бывала/, сабѣруцѣ/, пагул'айут/, мне/ бытта заскушна. Св'ашшеникѣм была зѣзѣрна* (т. е. обидно). *Мы бедныѣе, аны багатыѣе, тѣк ѣей* (девушке) *простѣ н'акѣнтѣна* (т. е. неудобно, недовольно; ср. в польском яз.: Kontenans — самообладание, присутствие духа; kontent — доволен). *Нѣ дажж'ѣу плохѣ в байн'у иттит'. Ой, какийе тонен'кийе* (дрова) — *л'ѣхкѣ пилит'. Дачникѣм н'алофка тѣм быт': возиру нет. Ай, дѣ нич'аво ф саду н'а слышна салав'ѣа.*

Примечание. В последнем примере в роли категории состояния выступает слово глагольного образования, сохранившее способность управлять винит., а в отрицательных конструкциях — родит. падежом.

Среди слов категории состояния, образованных от наречий или прилагат., в нашем говоре встречаются формы, свойственные древнерусскому яз., а также другим славянским яз. и неизвестные совр. рус. лит. яз. Они отличаются и по морфологической структуре. Напр., наряду с обычным **ДОВОЛЬНО** (в значении **ДОСТАТОЧНО, ХВАТАЕТ**), в говоре очень часто употребляется предикативное наречие **ДОСТЬ, ДОСЬ**, которое известно также белорусскому, украинскому и польскому языкам²³. Ср. след. примеры: *Вот т'ал'онѣчка зарезѣли: нам довол'нѣ одной карѣйки. Йаичка сѣйш/, мѣлака кружѣчку вып'ѣйш/ -и дост'.*

В говоре употребляется также предикативное наречие **ДОБРЕ**, известное древнерусскому яз. и совр. украинскому: *Ой, добрѣ, добрѣ, пой, Ф'оклѣ!*

В качестве заимствования из других славянских языков (польского) используется в значении слова категории состояния **ШКОДА** (жал-

²³ «...дось (=досыти) им хоцѣтца яблокѣ тыхѣ», см. Е. Ф. Карский, Белоруссы, т. II, вып. 3, стр. 13.

ко, жаль): «*Фтарайа н'адел'а, как н'а йúst сабакъ/:* пул'а в лоп и фс'о». «Ну, шкода, сабака харошъйъ». (Ср. в польском: *szkoda, jeżeli się nie uda* — жаль если не удастся; известно оно и белорусскому языку: *шкодо отдаваць*).

Главный член безличного предложения может быть выражен также сравнительной степенью предикативного наречия:

В горъде плоха/, а тут — аз'арá, б'латá — тут сп'экайнэй. Йон г'варит, шт'э ана грибатайа: губы талкст'эйе, лучшь цылават' буд'ят. Кагда мне очен' жарчей -й'а и выду (из бани).

2. Главный член — застывшая форма имени существительного в именительном падеже

Этот тип безличных предложений выражает состояние человека (реже — вообще живого существа). В структурном отношении главный член здесь имеет в большинстве случаев не только слово категории состояния, но и примыкающий к нему инфинитив:

Картошку абарали/, а пайист' ахота. Танер' бол'ш'э н'э г'ратской йазык/: нам йим патеха гл'адет'. Уже жал'эст' мне н'э йаво (поросенка)/, жалка мне свайу скатину рез'ят'. Эт'э т'омн'э, гр'азн'эе (белье) — байки, пускай памочыца. (Байки — т. е. ничего, хорошо).

Примечание. Примеры показывают, что круг существительных, за счет которых образуются слова категории состояния, в говоре несколько шире, чем в литер. рус. яз. Сюда могут попадать заимствования из других славянских языков, в частности, слово *БАЙКИ* с тем же значением известно некоторым белорусским говорам и польскому языку. В качестве заимствования употребляется оно и в литовских говорах²⁴.

3. Главный член состоит из сочетания отрицательного местоимения или наречия с инфинитивом

В качестве образующего элемента этих безличных предложений могут употребляться следующие наречия в сочетании с инфинитивом, наличным или подразумеваемым: *НЕГДЕ (НЕТ ГДЕ), НЕТ КУДА, НЕКОГДА (НЕТ КОГДА), НЕТ КАК* (т. е. *НЕЛЬЗЯ*) и др., напр.: «*нам незде пасть*», а также отрицательные местоимения, употребляемые в различных падежах: *НЕКОМУ (НЕТ КОМУ), НЕТ ЧТО, НЕЧЕГО* (в значении *НИЧЕГО, ХОРОШО*), *НЕТ С КЕМ, НЕТ С ЧЕГО* и т. п., напр.: «*ведь бедные были, не с чего было учить*».

Как в отрицательных местоимениях, так и в наречиях, ударение постоянно падает на отрицание. В некоторых случаях смысловая нагрузка распределяется почти одинаково между обеими частями сказуемого, напр.: «*ходить нам некому коло их*». Здесь обе части одинаково необходимы и опустить инфинитив невозможно; иногда центр тяжести переносится на слово категории состояния, лексическое значе-

²⁴ М. К. Киндурис, Литовский говор в белорусском окружении (Говор. дер. Мальковка в БССР) к/д, Л., 1955, стр. 374.

ние инфинитива бледнеет, в результате чего возможен его пропуск, напр., «*мне некогда*».

Мы рассматриваем эти предложения в числе других способов выражения главного члена словами категории состояния, поскольку по своему значению безличные предложения данной группы могут выражать состояние (напр., «*нет когда ухаживать*»); либо выражать некоторые модальные оттенки (напр., «*нет что и начинать*», т. е. не надо и начинать).

Характерной чертой данного говора является то, что в роли слов категории состояния могут употребляться обычные для совр. рус. яз. отрицательные наречия и местоимения (*НЕГДЕ, НЕКУДА, НЕКОМУ, НЕЧЕГО*) и рядом с ними одинаково употребительны сочетания местоимений и наречий со словом *НЕТ* (*НЕТ ГДЕ, НЕТ КУДА, НЕТ КОМУ, НЕТ ЧТО* и др.), т. е. сочетания, отличающиеся по выражению отрицания.

Приводим примеры из говора на употребление данных конструкций по двум группам:

а) С отрицательными местоимениями и наречиями *НЕГДЕ, НЕКУДА, НЕКОМУ* и др.:

Вот т'ал'онъчка зарезъли/; хадит' нам некъму къла йих. Не с чъва варен'йь сварит'/, сахар'у нът. Арестрацьйа (администрация) бъяла, надел давали/ — абижаца нечъва на литофцьф (т. е. не надо обижаться). С с'ами гът ид'ош паст' скатину/, а дома не при чъм жыт'.

б) С отрицательными местоимениями и наречиями *НЕТ ГДЕ, НЕТ КУДА, НЕТ КОМУ* и т. п.:

С адным рус'ким йазыком сич'ас в Литвы нет што делат'. В йей (учительницы) д'атей нет кагда учит'. Нет с кем пет', пъб'аседъват'. Нет каму хадит' за йагъдам. А йа стара, н'а здолейу хадит', мне нет кагда. А тепер' другаяйа кучъ (клевера) вон дал'ок//. Нет што и зачинат' йайо (т. е. не надо и начинать).

Необходимо отметить, что предложения последнего типа (см. тип «б»), где слова категории состояния образованы сочетанием наречия или местоимения с отрицанием *НЕТ* в других русских говорах нам обнаружить не удалось. Однако в славянских языках, напр., в совр. польском и белорусском, нормативом считается абсолютно аналогичная конструкция, где отрицание находится перед глаголом — связкой *ЕСТЬ*, а не перед местоимением или наречием. Напр., в польском языке: *nie ma co mówić* — буквально: *нет чего говорить*; *nie ma kogo mówić* — буквально: *нет с кем говорить*; *nie ma kiedy* — буквально: *нет когда*. В белорусском языке: *няма, куды ехаць*; *няма, дзе сядзець*; *няма калі зрабіць*.

Подобным же образом передаются некоторые отрицательные местоимения и наречия и в литовском языке: *Niobodi diena iki vakaro, jeigu nėra ką veikti* — буквально: *скучен день до вечера, если нет что делать*; *nėra ko rūpintis* — букв.: *нет что заботиться*; *nėra kur važiuoti* — букв.: *нет куда ехать* и т. п.

Как же объяснить появление таких образований в данном говоре?

А. А. Пешковский указывает, что отрицательные наречия в русском языке образовались путем слияния местоименных наречий *КОГДА*, *КУДА*, *ГДЕ* и т. п. с отрицанием *НЕ*, а последнее возникло из *НЕ-ЕСТЬ* (как и *НЕТ*). След., *НЕ ЕСТЬ КОГДА* давало *НЕ КОГДА* (*НЪ КОГДА*). Глагол *ЕСТЬ* здесь первоначально был не связкой, а безличным сказуемым с полным лексическим значением бытия, существования, могущим образовать утвердительные и отрицательные конструкции: «было, когда сделать» и «не было, когда сделать».

Слияние наречия с отрицанием, начавшееся с формы настоящего времени, изменило синтаксическую структуру сочетания: оно привело к образованию безлично-предикативного члена (*нѣ когда* давало *некогда*), который стал примыкать уже к инфинитиву, (ср. не было *когда сделать* и *некогда было сделать*), а глагол *быть*, утратив лексическое значение, превратился в связку²⁵.

К сожалению, высказывая такое предположение о происхождении конструкции с отрицательным наречием + инфинитив, А. А. Пешковский не подтверждает его фактическим материалом из памятников древнерусского языка либо из живых говоров. Этот пробел был восполнен Т. П. Ломтевым, который в «Очерках по историческому синтаксису русского языка» приводит интересные примеры из летописей, бесспорно доказывающие наличие соответствующей синтаксической конструкции в древнерусском языке: «... и не быст' имъ куда переѣхати» Ип. л. 127; «уже намѣнѣ камося дѣти» Лавр. л. 30²⁶.

Отсюда надо сделать вывод, что примеры типа *НЕТ ГДЕ*, *НЕТ КОГДА* + инфинитив могли существовать и в древнерусском языке²⁷.

Однако отсутствие указанной конструкции в других русских говорах (по имеющимся данным) наводит на мысль, что появление ее в изучаемом говоре вполне вероятно считать результатом вторичного воздействия соседних польского, белорусского, а также литовского языков, где такое употребление, как мы указывали выше, является нормой. Это тем более вероятно, что носители данного говора живут на протяжении трех столетий в тесном контакте с литовским, белорусским и польским населением, и многие из них в настоящее время знают эти языки, преимущественно в разговорной форме.

Примечание. Интересно отметить, что в данном говоре спорадически можно встретить и другую особенность в выражении отрицания, а именно: употребление **одного** отрицания вместо двойного. Обычно отсутствует отрицание при сказуемом; если последнее связано с местоимением или наречием, начинающихся с частицы *НИ*, например: *...и былъ в нас ни дома- нич'аво* (т. е. ничего у нас не было). Это

²⁵ См. А. А. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 1956, стр. 361.

²⁶ См. Т. П. Ломтев, Очерки по историч. синтаксису рус. яз., 1956, стр. 77.

²⁷ В таком виде примеров в памятниках др. рус. яз. на не встретилось.

явление с древних пор было свойственно с-в-р говорам (в основном сев.-зап. группе), но встречается и в некоторых ср-в-р (напр., псковских)²⁸.

IX. БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН КОТОРЫХ ВЫРАЖЕН МОДАЛЬНЫМИ СЛОВАМИ

Кроме перечисленных выше безлично-предикативных слов (см. тип VIII), в качестве главного члена могут употребляться также и модальные слова, совпадающие по форме с наречиями на -О, а иногда представляющие застывшие формы падежей, как-то: **МОЖНО**, **НЕ МОЖНО**, **ДОЛЖНО**, **НЕЛЬЗЯ**, **НАДО**, **НЕ НАДО**, **НУЖНО** (последнее для данного говора в единичных случаях). Их назначение в предложении — выражать различные модальные оттенки: возможность, или невозможность действия, необходимость и долженствование и т. п.

В структурном отношении безличные предложения этого типа довольно сложны и во многом отличаются от соответствующих предложений совр. рус. лит. языка. Мы выделяем следующие разновидности:

А. 1. Главный член выражен модальным словом **НАДО** (реже **НУЖНО**) при форме **именительного** падежа сущ. или мест.

2. Главный член выражен модальным словом **НАДО** при косвенных падежах сущ. или мест.

3. Главный член выражен модальным словом **НАДО** + инфинитив с **именительным** (редко) или косвенным падежом объекта.

Б. Другие случаи употребления модальных слов в качестве безлично-предикативного члена (см. ниже пункты 4, 5, 6).

Приведем примеры из говора Зарасайского района:

А. 1. Главный член выражен модальным словом **НАДО** с существ. или местоимением при нем в **именительном** падеже, причем в большинстве случаев — это сущ. жен. рода, которые могут находиться в постпозиции или препозиции по отношению к сказуемому **НАДО**, напр.: *Лейкъ хорошгъйа*!, *тол'къ надо*²⁹ *вада чистгъйа* (т. е. надо воды чистой). *Зачем она (жена) такай'а надо*.

В некоторых случаях возможно подразумевать пропущенный инфинитив, но в большинстве случаев подстановка его излишня (напр., «*надо сила*» возможно понимать как «надо силу иметь»).

В ряде примеров в конструкции присутствует дательный падеж сущ. или мест., обозначающий лицо или предмет, для которого предназначено действие (напр., «*гус'ам надо вода*»).

Этот оборот с модальным словом **НАДО** при именит. пад. сущ. или мест. является характерной особенностью с-в-р говоров³⁰ и широко

²⁸ См. В. Мансикка, О говоре Шенкурского уезда Арх. губ. — Изв. ОРЯС, т. XVII, кн. 2, 1912, стр. 141; Ф. П. Филин, Из наблюдений над синтаксисом сев.-зап. гов. — Уч. зап. ЛГПИ, т. 69, 1948, стр. 160—161; А. Б. Шапиро, указ. соч., стр. 198; М. А. Новгородов, к/д, стр. 201.

²⁹ **Надо** в говоре произносится несколько редуцированно, но для ясности изложения мы отступаем от обычной транскрипции.

³⁰ См. А. Б. Шапиро, указ. соч., стр. 141.

распространен в изучаемом говоре. Здесь возможны утвердительные и отрицательные конструкции.

В совр. рус. лит. языке указанные конструкции, которые мы считаем безличными, передаются либо винительным пад., либо родит. пад., либо выражаются иначе, образуя личную конструкцию, что возможно при употреблении модального слова **НУЖНО** (ср. в совр. рус. яз: «мне надо воду» и «мне нужна вода»).

Однако в изучаемом говоре, как и в других с-в-р говорах (в отличии от ю-в-р), наблюдается в огромном большинстве случаев конструкция с **надо**.

Утвердительные конструкции:

Иа сафс'им замуцифшы/: Гана мне надо. Вет' пэрас'онку нўжно з'амл'а. Нач'ал'ник взнал мин'а разъм/, пэздарофкълс'а: «Вы мне надо». И надо былъ уже доши. Гус'ам надо вада, гус'ам купаца.

Отрицательные конструкции:

Сам калека/ — тэк ы жана н'а надо тебе. Йон стал ругацца: «Ана мне бол'шэ н'а надо... нам такие н'а надо». Ай, пэт'ар'ала зубы//. А, ч'орт пэб'ари, нет сваих, и н'а надо чужыие. Н'а надо дошт': клевьр высъх. «Ай, харошыие банки!» «Нам н'а надо банки».

2. В некоторых случаях в указанной конструкции вместо именит. падежа стоит родительный, причем употребление его обусловлено значением существительного или предикативного слова (родит. колич. или временного значения). Такие примеры немногочисленны:

Ай, уш с'авонни д'анок! Надо л'удей на клевьр (т. е. надо много людей). *Вот надо корн'у вады и фс'о. Дажж'а н'а надо съч'ас.*

Имеются случаи, когда две конструкции (с именит. пад. и родит. колич.) употребляются параллельно, причем одним и тем же лицом, напр.: *мне -тъ ы кринъчка твайа н'а надо. Мне тъм кринки н'а надо, в мин'а банки йест'а.*

Особо отметим случаи, где наблюдается разрушение древней конструкции с именит. падежом:

Н'а нужно тебе битон'чик никакова (форма именит. падежа сохраняется в сущ. муж. рода и утеряна в относящемся к нему определении).

Имеются предложения при повторяющейся форме именит. падежа в существительно-местоименной конструкции³¹:

Харошый чилзвек — он ы богу надо. Ну, как ы бал'ным: хлеп/ он н'а надо.

Примечание. В предложениях с существительно-местоименной конструкцией наблюдается ясное членение на две части в ритмомелодическом отношении, причем в первой части дается сущ. в именит. па-

³¹ О предложениях с сущ.-мест. конструкцией, см. А. Б. Шапиро, указ. соч., стр. 199—202.

деже, во второй — заменяющее его лично-указательное местоимение вместе со сказуемым *НАДО*, что допускает, на наш взгляд, рассматривать эти предложения как двусоставные несогласованные.

Подводя итоги анализа данной конструкции, нужно отметить, что наличие отрицания при сказуемом в большинстве случаев не влияет на характер конструкции, т. е. не влечет за собой обязательного употребления родительного падежа, как это наблюдается в современном рус. литер. языке. Ср.: «мне не надо вода» — в говоре; «мне не надо воды» — в литер. языке. В целом для говора преобладает безличная конструкция над личной.

Данная конструкция (*НАДО*+именит. падеж сущ.) является одним из древнейших явлений говора, которое было известно древнерусскому литер. языку, а также народным говорам со времен «Русской Правды» (см., напр., «*послуси* (свидетели) *ему* (купцу) *не надобѣ*» «Русская Правда»).

По вопросу возникновения данной конструкции А. Потебня пишет: «В нынешнем литер. яз. *НАДО*, *НЕНАДО*, *НАДОБНО* — безличны и требуют дополнения в родительном; но необходимость этого родительного, связанная с безличностью, **позднее именительного** подлежащего в влр. народном яз...»³² (Подчеркнуто нами. — О. Ш).

А. А. Шахматов, разделяя взгляд А. Потебни на **первичность личной** конструкции, устанавливает определенную взаимосвязь между конструкцией *НАДО*+именит. падеж сущ. жен. рода на — А и конструкцией *НАДО*+именит. падеж, сопровождающийся **инфинитивом**: «Начало дано, по-видимому, предложениями с *НАДО* и другими наречиями, где при *НАДО* именит. падеж (тип: **Мне надо коса**); именит. падеж мог сопровождаться дополнительным глагольным членом, инфинитивом»³³.

Таким образом получается, что первичен именит. падеж в личной конструкции типа **Мне надо коса**, где *КОСА* подлежащее, а сказуемое *ЕСТЬ НАДО*. Но *НАДО* могло употребляться в качестве сказуемого и в безличных предложениях, напр., **Мне надо косить**. С течением времени обе конструкции стали смешиваться, что привело к возникновению оборота **Мне надо коса косить**. Впоследствии именит. падеж проникал на место винительного вообще после инфинитива (чаще всего со значением долженствования), т. е. появились конструкции типа «трава косить», «вода пить», «велено земля пахать» и т. п.³⁴

Вполне разделяя мнение А. Потебни и А. Шахматова о необходимости трактовать данную конструкцию (*НАДО*+именит. сущ.) первоначально как личную, мы, однако, должны заметить, что подобная трактовка примеров из живых говоров на современном этапе развития русского языка вряд ли является правильной для всех случаев употребле-

³² А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I—II, 1889, стр. 418.

³³ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. I, стр. 127.

³⁴ См. об этом же П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, 1952, стр. 265—268.

ния именительного падежа сущ. при сказуемом *НАДО*. Необходимо учитывать общеизвестное положение, что многие личные конструкции с течением времени переосмыслились как безличные, что приводило к изменению внешней формы, структуры предложения. Но есть случаи, когда в языке (особенно в говорах) сохраняется прежняя внешняя звуковая форма, которая «...подобно отжившим обрядам переживает свое значение»³⁵, т. е. осознается уже по-новому. Таким «отжившим обрядом», на наш взгляд, в ряде случаев можно назвать и именительный падеж при *НАДО* в изучаемом говоре.

В современных исследованиях нет прямого ответа на вопрос о том, как надлежит трактовать подобные обороты в теперешних живых говорах, учитывая все возрастающее воздействие литературного русского языка³⁶.

Нам кажется, что при рассмотрении конструкции *НАДО*, *НУЖНО* + именит. падеж сущ., прежде всего, надо учитывать различие грамматической природы, а отсюда и функций у предикативных слов *НАДО* и *НУЖНО*. Как известно, *НУЖНО* являлось в прошлом именем прилагательным (*НУЖНЫЙ*) и сохранило от него способность к согласованию в роде, числе и падеже, выступая в роли именной части сказуемого личного предложения (в литер. языке — широко, в описываемом говоре — лишь в единичном примере: «*Кельма штоль яму нужна?*»). Но одновременно *НУЖНО* может выступать и в безличных конструкциях в сочетании с инфинитивом, а также при именит. падеже сущ., мест. (В данном говоре всего два примера).

Слово *НАДО* имеет иную, отличную от *НУЖНО*, грамматическую природу, а отсюда и специфические функции в предложении. Оно возникло из *НАДОБЪ* *ЕСТЬ*, т. е. первоначально это существительное (доба — польза, необходимость, добрый час и пр.), взятое в форме местного падежа с предлогом (*НА ДОБЪ*) и употребленное в роли сказуемого.

Итак, в силу своей грамматической природы *НАДО*, *НАДОБЪ* могли употребляться лишь в качестве несогласованного с подлежащим сказуемого, поскольку как имя существительное оно не согласуется и неспособно согласоваться.

Мы считаем возможным, что именно наличие несогласованности сказуемого *НАДО*, *НАДОБЪ* с подлежащим явилось благодатной почвой для перехода к безличности, тем более, что рядом с данной конструкцией (*НАДО* + именит. падеж сущ.) существовали конструкции с именит. падежом при инфинитиве, где именит. падеж уже давно стал

³⁵ А. А. Потенция, указ. соч., стр. 417.

³⁶ В «Историч. грам. рус. яз.» П. Я. Черных такой именит. падеж существительного выступает... «в неопределенной роли не то подлежащего, не то дополнения», см. П. Я. Черных, указ. соч., стр. 266, 267; А. Б. Шапиро относит эти конструкции к безличным, хотя мотивировка отсутствует; см. А. Б. Шапиро, указ. соч., стр. 141; другие исследователи, вслед за А. Шахматовым, считали их двусоставными несогласованными, см. П. С. Кузнецов, Русская диалектология, 1960, стр. 125.

осмысляться как винительный (ср. «*мне надо печка*» и «*мне надо печка топить*»).

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу, что грамматическая природа безлично-предикативного слова *НАДО* позволяет нам рассматривать весь оборот как безличный, а именит. падеж существительного считать «отжившим обрядом», так как в современном рус. литер. языке при *НАДО* возможны только безличные конструкции (напр., *надо ложку, вилку; надо спать*).

Такому переходу к безличному осмыслению данной конструкции способствует в некоторых случаях параллельное употребление в говоре вместо именит. падежа и косвенных падежей, особенно при наличии отрицания (ср. «*мне киначка твайа н'а надо*» и «*мне криначки н'а надо*»).

3. Главный член выражен модальным словом *НАДО*+инфинитив с именит. (редко) или косвенным падежом объекта.

Рассматриваемый оборот издавна был свойственен не только севернорусским памятникам и говорам³⁷, но также белорусским памятникам и говорам³⁸ и сохранился в литературном языке вплоть до начала 18 века, а по говорам — до настоящего времени. Академик С. П. Обнорский считает конструкцию инфинитив+именит. падеж новгородской по происхождению³⁹, но она известна и в псковских говорах⁴⁰, представляющих собой переходные говоры от северных к белорусским.

Выходя за пределы русского языка, этот оборот бытует и на западе, в литовских говорах. Широкое употребление указанной конструкции в восточнолитовских говорах отмечено у ряда исследователей (напр.: *jaū ugnis raikia degti* буквально — нужно уже лампа зажечь; *jam reikia duot arklys ir ratai* — букв.: ему нужно дать лошадь и телега)⁴¹.

Имеется она и в некоторых польских говорах (напр., *mnie trzeba kury karmić* — мне надо кормить куры).

В изучаемом говоре конструкция с модальным словом *НАДО*+инфинитив переходного глагола при именит. падеже объекта отмечена всего лишь одним примером (*Н'а надъ печка тапит'*), хотя именит. падеж в конструкции с сущ. употребляется, как уже говорилось, широко.

В остальных случаях в говоре, как и в совр. рус. литер. языке, вместо именит. падежа, в значении прямого объекта действия при инфинитиве употребляется винительный падеж или родит. падеж там, где это имеет определенную семантическую обусловленность.

³⁷ См. А. А. Потебня, указ. соч., стр. 416—417.

³⁸ См. Т. П. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка, 1956, стр. 85—86.

³⁹ См. С. П. Обнорский, Очерки по истории рус. литер. языка старшей поры, 1949, стр. 279.

⁴⁰ См. П. С. Кузнецов, Русская диалектология, 1960, стр. 124.

⁴¹ См. S. Otrębski, Wschodnioliteńskie narzecze twereckie, Krakow, cz. I, 1934, cz. 400, 401; М. К. Киндурис, к/д, стр. 359—360. (Там же взяты примеры).

Приводим соответствующие примеры из говора, распределяя их по двум группам.

1) *надо*+инфинитив с винительным падежом объекта:

Вымѣт' йану (чашку) *надѣ*. *Ноньч'а нич'аво н'а сейут* — *пшаницу надѣ*/, *гарох надѣ* (сеять). *Кан'а кирават' нада* (кировать — управлять).

2) *надо*+инфинитив с родительным падежом объекта:

Надѣ ш иттит', *дрой надѣ брат' тапер'*. *Надѣ была п сварит' м'аса*/ *и на дарогу*/, *и дома*.

Примечание. Здесь употребление родительного падежа обусловлено семантикой существительного: немного мяса, столько-то дров, т. е. родительный количественный.

Иногда в роли прямого дополнения при переходном глаголе (глаголах мысли, восприятия и т. п.) может выступать целое придаточное предложение, напр.: *надѣ знат'*/, *ф какойь врем'а убит' дер'авѣ*.

В некоторых случаях модально-предикативное слово *НАДО* сопровождается двумя инфинитивами, из которых первый инфинитив обозначает глагол движения, а второй — цель этого движения⁴², причем объект действия в говоре также передается винительным падежом (или опущен):

Пуст' йежли Ген'кѣ тут даила/ — *нада иттит' и апасыват'*. *Надѣ иттит' йану атв'арнут'*.

Подобная конструкция употребительна и в литературном русском языке. В некоторых русских говорах второй инфинитив со значением долженствования мы находим также при глаголах БЫТИЯ, например, «*и мне быть своя заповѣдь нарушить*». Оленец. был; «*быть натянуть свой тугий лук*». Оленец. был., Рыбн., П. 330⁴³.

Такие конструкции выражают неизбежность действия и могут быть синонимичными с другими безличными конструкциями типа *НАДО*+инфинитив, где *НАДО* стоит на месте *БЫТЬ* (т. е. мне надо (приходится) свою заповедь нарушить). Подобная конструкция с двумя инфинитивами бытовала в живых народных говорах (преимущественно с-в-р, в особенности, — новгородских); отдельные примеры сохранились и в литературном языке вплоть до 18 века.

В изучаемом говоре не обнаружено указанной конструкции с двумя инфинитивами со значением неизбежности, долженствования.

Б. 4. Главный член выражен модально-предикативным словом *надо*+инфинитив непереходного глагола

В этих конструкциях в говоре нет каких-либо отклонений от соответствующего употребления их в литер. рус. языке. Очень часто здесь при инфинитиве имеется (или может быть восстановлено) дополнение

⁴² Такой инфинитив, употреблявшийся при глаголах движения, восходит к супину, о чем см. П. Я. Черных, указ. соч., стр. 251—252.

⁴³ См. А. А. Потехня, указ. соч., стр. 412—413 (Примеры взяты там же).

в форме дательного падежа, обозначающее лицо, которому необходимо совершить действие, т. е. по отношению к которому раскрывается признак, указанный сказуемым, и потому рядом с безличной конструкцией можно мыслить и употреблять личную:

Старьму — тэк пѣмират' надѣ/, малодѣму — жыт' (ср. старый должен помирать, а молодой — жить). Н'а фсим работѣ/, надѣ каму и гул'тай'ом (т. е. лодырем) быт'. Й'а сматр'у/, мне надѣ с реб'атѣми зан'ацца: рѣмн'у нет. Надѣ в гости йехат' — надѣ каво вест'.

5. Употребление других модальных слов (можно, не можно, нельзя, должно) в сочетании с инфинитивом для выражения главного члена безличных предложений

В структурном отношении в данном говоре здесь повторяются те же конструкции, что и при модально-предикативном слове *НАДО*, за исключением конструкции с именит. падежом сущ. при инфинитиве. По семантике эти предложения могут выражать долженствование, возможность или невозможность действия, названного инфинитивом:

Тапер'а-ка задрѣцца н'а можна з жѣнничнай. Можна мац'алку зделат' с нево (из липы). Горѣт Казан' йест'а/, пѣрѣт йетым Казанем стайали: никак взат' н'ал'з'а/|. Пѣв'арнулис' и — Гайда/, пѣтаму, штѣ черѣз закон пѣступат' н'ал'з'а. С пал'цѣм с опшшѣй тарелки н'а можнѣ (кушать). Здес' далжнѣ быт' картошки.

Из примеров видно, что отличие по отношению к совр. рус. литер. языку в данных конструкциях лишь в том, что говор сохранил еще употребление некоторых устаревших модально-предикативных слов, напр., рядом с *НЕЛЬЗЯ* употребляется и *НЕ МОЖНО*⁴⁴, однако первое побеждает, что служит доказательством нивелирующего влияния совр. литературного языка.

6. Безличные предложения с главным членом, выраженным инфинитивом

Инфинитивные предложения близки по семантике к рассматриваемым выше безличным предложениям, так как они также передают различные модальные оттенки, как-то: необходимость или неизбежность совершения действия; возможность или невозможность совершения действия; возможность с оттенком сомнения.

Однако в структурном отношении они отличаются от модально-безличных предложений отсутствием специальных лексических средств для выражения модальности, т. е. отсутствием модально-предикативных

⁴⁴ В совр. рус. литер. яз. отрицательному *нельзя* (первоначально *не лъзя*) противопоставляют утвердительное *можно*. Поэтому *не можно* постепенно вышло из употребления, сохранившись частично в языке писателей прошлых столетий, а также в народных говорах. См. об этом Ф. И. Буслеев, Историческая грамматика рус. языка, 1959, стр. 383; ср. также польское *nie można, można*; и литовское *negalima, galima*.

слов. Ср., напр., *Как сень касит' — так ы доши лит' и Нада сень касит'*.

Модальность таких инфинитивных предложений передается интонацией, а также частицами. По структуре инфинитивные предложения можно разделить на две группы: 1) инфинитивные предложения с дополнением в форме дательного падежа субъекта (сюда же относятся случаи, где такой субъект может быть восстановлен); 2) инфинитивные предложения с прямым дополнением при переходном глаголе независимо от возможного наличия в них косвенных падежей.

1) *Он б'ар'от з живова и с м'ортвава/, тьк йаму и вумничьт' (т. е. можно умничать). Как, мамъчкъ, иттит' мне за йаво? Ну, как жы мне н'а плакат'/, замен'шишк прив'оз м'ан'а суда (т. е. нельзя не плакать).*

2) *Ты, сволач, выгл'адайьш, штоп кароўку украст' (т. е. чтоб можно было бы украсть). Как пашла см'атана ввер'ох!// Зьв'азат' была крышкьй какой (т. е. надо было бы завязать). Йа вьт расла при Микалайу цар'у/, н'а былъ врем'а, кагда нас распускаат' учит' (т. е. нельзя было учить). Как навызрьйт майа ч'ар'омышьнка/, тады — ветачку сламат'. А как в Дагучи иттит' нъ дажж'у? Тут в Литвы был йихный литофс'кай цар' Витафт'/. Он принимал стьраверьф' — вот ане аткул' йавилис'//. Кудá ухадит' — кто принимайьт (уходить надо туда, где принимают).*

В результате анализа всех перечисленных выше конструкций с модальными словами в роли сказуемого отметим, что конструкция с модально-предикативным словом *НАДО* и именит. падежом сущ. является одной из ярчайших синтаксических особенностей данного говора; использование ее свидетельствует о северной основе данного говора и подтверждает близость его с псковскими говорами.

Х. ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН ВЫРАЖЕН КРАТКИМ СТРАДАТЕЛЬНЫМ ПРИЧАСТИЕМ СРЕДНЕГО РОДА

Известно, что конструкции с кратким страдательным причастием среднего рода в роли сказуемого употребляются в говорах шире, чем в литературном языке, поскольку по говорам возможно образование страдательных причастий как от переходных, так и от непереходных глаголов, напр.: *«в девках СИЖЕНО — ПЛАКАНО; замуж выдано — ВЫТО»*; Даль, 9; *«УЕХАНО за охотой»*. Олонец. был. Рыбн., II, 29⁴⁵.

Однако в употреблении кратких страдательных причастий среднего рода в функции сказуемого безличных предложений есть еще целый ряд интереснейших синтаксических явлений, которые ждут специального исследования, как, напр., противоречие оборота, где подлежащее налицо, а сказуемое, выраженное кратким страдательным причастием среднего рода, бессубъектно (типа *«памятик поставлено»*; *«картошка ровна сажалки атмерено»*; *«ему дáдено агарот»*), что было отмечено в

⁴⁵ См. Ф. И. Буслаев, указ. соч., стр. 382 (отсюда же взяты примеры); см. об этом же — А. А. Шахматов, Синтаксис рус. яз. в. I, стр. 97,

свое время А. Потемней⁴⁶. Подобные примеры мы находим и у других лингвистов при описании различных памятников восточнославянской письменности⁴⁷.

В последнее время появились некоторые работы, помогающие дифференцировать круг явлений, с которыми мы сталкиваемся при изучении данных конструкций, в частности указания проф. Ф. П. Филина⁴⁸ к «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» и некоторые другие работы⁴⁹.

Опираясь на эти исследования, мы выделяем следующие разновидности конструкций с кратким страдательным причастием среднего рода в роли главного члена:

1. Краткое страд. причастие ср. рода в роли сказуемого при отсутствующем субъекте.

2. Краткое страд. причастие ср. рода в роли сказуемого при реальном субъекте, переданном родит. падежом с предлогом -у.

3. Объект действия, зависящий от краткого страд. причастия ср. рода, передан винительным падежом.

4. Объект действия, зависящий от краткого страд. причастия ср. рода, передан именительным падежом (несогласованная конструкция).

5. Объект действия, зависящий от краткого страд. причастия ср. рода, передан родительным падежом.

Рассмотрим каждую из указанных разновидностей в отдельности.

1. Краткое страдательное причастие среднего рода в роли сказуемого при отсутствующем субъекте

Данная конструкция носит явно безличный характер, так как сказуемое-причастие в ней означает признак, состояние как результат законченного в прошлом действия без отнесения к какому-либо определенному субъекту. Напр.: *«там ящѣ ни капано»* — здесь главным является не кто произвел действие, а само действие, вернее, результат его, поданный как состояние, проявляющееся и в настоящий момент (т. е. перфектное значение).

Исследователи указывали, что предложения такого рода восходят к общеславянскому языку, как видно из сопоставления с украинским

⁴⁶ См. А. А. Потемня, Из записок по рус. грам., т. I, 1889, стр. 103—110; т. III, 1899, стр. 435—446; 456—461.

⁴⁷ См. Е. Ф. Карский, Белоруссы, т. II, вып. 3, стр. 19—20; 73—74; П. А. Лавровский, О языке северных рус. летописей, СПб, 1852, стр. 121; В. И. Чернышев, О нарушении согласования в русском языке. — Памяти академ. Н. Я. Марра (1864—1934), М.—Л., 1938, стр. 269—272; А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, в I, стр. 121—127.

⁴⁸ См. Ф. П. Филин, Заметки о записях материалов по синтаксису. — Бюллетень диалектол. сектора ин-та рус. яз., вып. 4, изд. АН СССР, 1948, 40—47.

⁴⁹ См. Н. П. Гринкова, Очерки по рус. диалектологии, VIII, Мстинский говор. — Учен. записки, ЛГПИИ им. Герцена, т. 69, 1948, стр. 193—194; В. А. Матвеевко, Страдательное-безличный оборот в говорах вост.-слав. языков. — «Slavia», вып. 3, Прага, 1960, стр. 350—365.

(«В неділеньку рано по всім селу заграно; заграно, забублено, бояре побужено» Чуб, 320—321), польским („spano“; „płakano“; „mówino o tym“; „wyspanosie“), чешским („sráno bylo“, Mikl. IV, 364, а также болгарским («спано ю»; Ш, 97) языками. Подобные примеры имеются также и в литовском языке („pamāi gražūs pastatyta“ — хороший дом построено; „atskaityta lik kapeikai“ — отсчитано до копейки)⁵⁰.

Считают, что первоначально такой оборот образовывался лишь за счет употребления страдательных причастий от глаголов переходных, а под их влиянием стало возможным образование соответствующих причастных форм от непереходных, в том числе и от возвратных глаголов (напр.: «жененось, соглашонось»; «Во едину путь — дороженьку отправленось» Барс. пр. I)⁵¹.

В изучаемом говоре безличные конструкции со страдат. причастиями среднего рода употребляются очень широко, однако образование их ограничено переходными глаголами, преимущественно совершенного вида; страдат. причастия от непереходных глаголов встречаются лишь в единичных случаях (напр., там в лесу *нахожено* — т. е. там много ходили). При этом может проявляться непоследовательное употребление суффиксов страдат. причастий прошедшего времени и своеобразное ударение (напр.: «*адбивáно*», ср. в литер. языке — отбито; «*вышивáно*», в литер. яз. — вышито; «*дастáто*», в литер. языке нет соответствующей формы).

Приводим соответствующие примеры из зарасайского говора:

*Там йаишэ ни капáно, ни пóлгто*⁵². *Там кэла вас клевьру нет: выпэсьно. В рус'куйу школу пустила д'атей/, да и сáмэ ни рада: читайте, где фч'ара зададено — и читай. Нам надэ збират' рамул'ки/, нэ л'акарствэ дадено. Ай, какáя харошэя вада! Папали на крыницу//. Фс'о не былэ вады/, и в адин ден' и выкэпал/, и вада/, и паливано. «Сотки табе адбили?» «Нет, йаишэ ни адбивáно».*

2. Краткое страдательное причастие среднего рода в роли сказуемого при реальном субъекте, переданном родительным падежом с предлогом у

В изучаемом говоре данный оборот представлен весьма многочисленными примерами и составляет его специфическую особенность:

А в нас атсáжьно. В мин'а капáно. На кр'óслах йест'а и в нашэй вышивáно, настройэно. А ф тиб'а йаиш'ó йест' тут вз'áто гваздей. Али у н'аво рубаха!!! Или в вйшэн'йу, или в блох зэмарано. Прасила йа у йей (паповны) фл'аны (т. е. отростки)//. Йа гл'ажу/, у йей дастáто где.

Примечание. В зарасайском говоре чаще всего вместо *у* с родит. падежом при сущ. и местоимениях со значением действующего

⁵⁰ См. М. К. Киндурис, к/д, стр. 353—354.

⁵¹ См. Ф. И. Буслеев, указ. соч., стр. 382.

⁵² Здесь и в последующих примерах для ясности изложения окончание страдат. причастия дается без редукции, возможной в говоре, так как говор акающий.

лица употребляется предлог *В* по причинам, очевидно, фонетического характера.

Своеобразие описываемого оборота заключается в особом выражении действующего лица: «*в мин'а капано*»; «*в нашэй вышивано*». На первый взгляд это та же безличная конструкция со сказуемым — кратким страдательным причастием среднего рода, но в ней, в отличие от предыдущих примеров (см. пункт 1), есть отнесенность действия к реальному субъекту, обозначенному формой родит. падежа имени с предлогом *у* (или *в* вместо *у*): «*в мин'а капано*» — я копала; «*в нашэй вышивано*» — наша вышивала, хотя опять-таки на передний план и здесь выступает перфектное значение страдат. причастия, а не сам производитель действия.

Подчеркивая специфику данной конструкции, где налицо отнесенность, принадлежность действия реальному субъекту, Ф. П. Филин назвал такие конструкции «поссесивным перфектом»⁵³, поскольку здесь используется родит. падеж, выражающий принадлежность.

В нашем говоре во всех случаях этот родит. падеж выражает принадлежность действия определенному лицу (один случай — животному); в видовом отношении такой «поссесивный перфект» может быть образован от глаголов совершенного и несовершенного вида, с преобладанием совершенного. В изучаемом говоре в указанных конструкциях страдат. причастие образуется преимущественно от глаголов переходных совершенного вида.

Литературному языку известны некоторые случаи употребления «поссесивного перфекта» с субъектом в родит. падеже и предлогом *У*, но только от переходных глаголов, напр., «*у меня не прибрано*». Чех. Степь, VIII; «*У меня сказано — сделано*». А. Островский, Бедность не порок. Д. II, явл. 10. Конструкция же типа «*у него уехано*» противоречит нормам литературного языка и потому не проникла в письменный язык, оставаясь специфически диалектной чертой.

Рассмотренный выше безличный оборот имеет широкое распространение в западной группе сев. рус. говоров, употребляется также в псковской и западной группе средневеликорусских говоров и в некоторых других местах северной группы. Считают, что этот безличный оборот является новгородской особенностью, причем древнейшего происхождения⁵⁴.

Однако подобные примеры с родительным падежом субъекта при страдательно-безличном обороте мы находим и в польском языке⁵⁵, а также они имеют широкое употребление и в литовских говорах⁵⁶.

⁵³ Ф. П. Филин, Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 41—42.

⁵⁴ См. В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), Львов, 1949, стр. 77—79; С. П. Кузнецов, Русская диалектология, 1960, стр. 121—123.

⁵⁵ В польском яз.: „biednego Żajonczyka biegano“.

⁵⁶ „jaū māpa adbūta“ — букв. у меня уже отбыто, см. S. Otrębski, указ. соч., стр. 416.

В некоторых русских говорах иногда родительный падеж с предлогом *у* для обозначения реального субъекта употребляется при сказуемом, выраженном не страдательным причастием, а деепричастием с тем же перфектным значением (ср. «*у него за конем ушетчи*» т. е. он за конем ушел)⁵⁷.

Хотя изучаемому говору свойственна предикативная функция деепричастий с перфектным значением (напр., «*жизнь нерадостная, мое сердце зажамши*» — т. е. мое сердце зажато), но примеров такого употребления при субъекте в родит. падеже с предлогом *У* обнаружить пока не удалось.

В русских говорах встречается и несколько иная передача субъекта при страдательном обороте, а именно: употребление родительного падежа с предлогом *От*. Например, «*От председателя лошадь нам обещано*» Новгород. обл.⁵⁸ Подобные конструкции были весьма распространены и в древнерусском языке вплоть до 18 века, причем употреблялись в личных и безличных предложениях⁵⁹.

В изучаемом говоре имеется лишь единичный пример на выражение действующего лица страдательно-безличного оборота родительным падежом в сочетании с предлогом *От*: *м'ашанка нон'чѣ/; ат л'удей вз'ато и разныйе пѣсадили* (сорта): *ф каво репѣчка, кто слатких буракоф* (т. е. нынче смешанные сорта люди взяли и посадили).

Наряду с отмеченными выше субъектными конструкциями при главенстве «поссесивного перфекта», в изучаемом говоре есть специфическая форма выражения субъекта при страдательных причастиях, которая в других говорах не отмечалась⁶⁰, — это передача реального субъекта в форме множественного числа предложного падежа с предлогом *У* (или *В* вместо *У*). Примеры с таким употреблением встречаются спорадически, но представляют несомненный интерес для исследователей:

Шнур — пѣласа, а между шнуроф — эта м'ажа//. Так у мужука было прин'ато (т. е. у мужиков было принято). *Там ф каровых нѣв'азано, ничаво нет й'агѣт* (там были коровы привязаны).

Очевидно, что во всех перечисленных примерах сказуемое выступает как грамматически бессубъектное страдательное причастие среднего рода.

Каковы же последствия превращения ранее субъектного оборота в бессубъектный?

Прослеживая этот переход от субъектного оборота к бессубъектному, А. Потеня отмечает: «При этом подлежащее субъектного страдательного оборота или прямо опускается <...> или заменяется пря-

⁵⁷ См. М. А. Новгородов, к/д, стр. 256—258.

⁵⁸ См. Ф. П. Филин, указ. соч., стр. 44.

⁵⁹ См. Т. П. Ломтев, указ. соч., стр. 403—406.

⁶⁰ Правда, подобная передача субъекта указана и М. А. Новгородовым, но в личных предложениях, см. М. А. Новгородов, к/д, стр. 256—258.

мым дополнением при страдательном безсубъектном сказуемом (родит. при сказуемом отрицательном)»⁶¹.

Итак, опущение подлежащего субъектного страдательного оборота приводит к тому, что сказуемое, выраженное страдат. причастием ср. рода, воспринимается как бессубъектное (*полото, копано, вышито, срублено*), а в силу этого у него создается возможность иметь при себе прямое дополнение (напр., *полото грядку, вышито салфетку, видно деревню*). В литературном языке обычно прямой объект действия причастия в страдательном обороте выражен именительным падежом, чем нейтрализуется переходность исходного глагола (ср. напр., *дочь вышила САЛФЕТКУ* (винит. падеж прямого объекта); *САЛФЕТКА* (именит. падеж) *вышита дочерью*).

В говорах же, следовательно, на месте такого именительного падежа страдательного оборота мы можем встретить винительный падеж. Однако А. Потебня указывает, что в великорусских говорах такой винительный падеж прямого дополнения при страдательном безличном обороте «...сравнительно редок, быть может потому, что здесь еще в силе обороты с соответственным именительным подлежащего, т. е. еще в силе «сосна срублена», а не «сосну срублено»»⁶². Но в западно-русском (термин А. А. Потебни) и украинском этот винительный падеж вполне обычен, как и в польском⁶³.

3. Объект действия, зависящий от краткого страдательного причастия среднего рода, передан винительным падежом

В изучаемом говоре винительный падеж в качестве прямого объекта действия страдательного причастия в безличном обороте можно встретить лишь в количественном значении:

Мы ат йих купили дом/. Дадено сто рублей микалайефскими. (Ср. Дано (сколько?) тысячу рублей). К тым сѣракам дабавлено сорѣк грашэй. Зацѣпльно два пѣрас'онка и нас'от, вывешшы нѣ травѣ. В нево (мужа) парѣ лѣшадей запрежно', ид'от/, клевьѣр косит.

В остальных случаях при страдательном причастии среднего рода в роли сказуемого широко выступает несогласованная конструкция с именительным падежом, которая может восприниматься двояко: 1) как безличная, где именит. падеж заменяет винительный прямого дополнения при страдательном причастии; 2) или как субъектная, где именит. падеж является подлежащим, но сказуемое (страдат. прич. ср. рода) не согласовано с ним.

Сюда относятся многочисленные примеры из говора типа: «*памятник поставлено*», «*дадено огород*», «*рублено дерева*» и т. п.

Бесспорными можно считать лишь случаи, где дополнение является: а) существительным женского рода с флексией У в винит. падеже;

⁶¹ А. А. Потебня, Из записок по рус. грамматике, т. III, 1899, стр. 434—435.

⁶² А. А. Потебня, указ. соч., стр. 435—436.

⁶³ См. А. А. Потебня, указ. соч., стр. 436.

напр., «у него полюблено шурилку одну» — Псков — таких примеров в нашем говоре не встретилось; б) с личным местоимением — в нашем говоре имеется только один пример: *Их тут накладено всё поле, русских и евреев.*

4. Объект действия, зависящий от краткого страдательного причастия среднего рода⁶⁴, передан именит. падежом (несогласованная конструкция)

а) При отсутствующем субъекте:

Ран'шь жыли пѣт памешшикѣм//. Ты памешшику работайеш/, а табе дадено агарот. Калодѣц там такой/ зделано круглый. Гѣвар'ат, первай'а девушка палѣжэно протиф ч'асовни. В йей жы картошка равна сажѣлки атерьно (сажалка — яма для воды). Штобы вот йест' привезэно в магазине мука/, то вз'али. В нас карофка адна/, храмайѣт/: навихнѣла ана/, на сламано нѣга. Эта микалайефскѣя пила/, три раза ужэ абрубано зѣбы. Бухура сработано и фс'о («бахур — вол'напрыжытый» — т. е. незаконный ребенок; польское заимствование). В нас кѣрайет йест'.../ ф каким врем'а рублѣно бѣрьвѣ/, вѣт мужуки знайут.

б) При реальном субъекте в родительном падеже с предлогом В (=У):

Он старый чилавек//. Век атжѣто в йаво ужэ. Лук в бат'ки пѣтсыпано/ дукст (дуст) н'а вр'адит, тол'кѣ смарѣт ат н'аво. Этѣ в майѣва сынѣ дадено абноска. Вот этѣ памѣтник в нас строено.

Примечание. В двух последних примерах несогласованность конструкции усиливается в результате того, что при именит. падеже существительного имеется несогласованное с ним указательное местоимение среднего рода «это».

Особо отметим случаи, когда при страдательном причастии имеется связка *БЫТЬ* в прошедшем времени. Таких примеров немного:

Видиш, какайя мне балез'н'а бѣла/, мне былѣ сорвано жылѣчка. Там былѣ сфѣтаграфирѣвано тѣя иконка. Ай, адбито в йей клевер/, а картошкѣ былѣ адбитѣ пѣт калхос кусок.

В данных примерах и при наличии связки отсутствует согласование сказуемого с существительным в именительном падеже, хотя в силу редукции окончания связи («былѣ») об этом трудно судить.

Подобные примеры на несогласованную конструкцию со страдательным причастием и объектом в именительном падеже широко распространены и в литовских говорах: „*namai gražūs pastatyta*» — хороший дом построено; «*Kumela apidinkta paklŃti*» — лошадь накрыто постилкой⁶⁵.

⁶⁴ Следует иметь в виду, что в других говорах несогласованное страдательное причастие в данной конструкции может иметь также форму муж. рода, напр., «*корова напоен*», «*дрова нарублен*», см Ф. П. Филин, Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 47—49. В изучаемом говоре таких конструкций не обнаружено.

⁶⁵ См. М. К. Киндурис, к/д, стр. 354.

Наряду с несогласованными конструкциями со страдательным причастием, в зарасайском говоре употребляются и согласованные конструкции, обычные для современного русского литературного языка:

Кагда картошку капали/, йим аблава зделана. Где кон'скайа торба дѣта? В Димки принесъна бутылъчка такайа плоскайа. В йей фс'о нав'азъно.

5. Объект действия, зависящий от страдательного причастия среднего рода, передан родительным падежом

Деньк в йих нажыто//. В йаво деньк на книшкь налбжъно (т. е. много денег). Былъ в мин'а тавару вз'ато. Там п'аску былъ завезъно. В нас жь трапък набрано. На скокъ часоф йаму дадено/ сна иетъва. Бурачкоф былъ сажьно.

Во всех случаях употребление родительного падежа как объекта, зависящего от страдательного причастия среднего рода, обусловлено семантическим значением существительного или глагола (т. е. родительный количественный).

Очевидно, большое распространение в говоре указанных двусоставных несогласованных причастных конструкций, представляющих собой промежуточное звено между личными и безличными предложениями, надо считать результатом произошедшего в прошлом своеобразного совмещения в одном целом личного и безличного предложений. Появление их стало возможным вследствие параллельного употребления личных и безличных конструкций, а именно: рядом существовали личные обороты («колодец копан», «памятник поставлен», «огород даден», «девушка положена» и др.) и безличные («здесь копано», «поставлено», «дадено», «положено» и др.).

Таким путем возникла другая, несогласованная конструкция: «колодец копано», «памятник поставлено», «девушка положено». Примеры подобного рода мы встречали и при глагольном выражении главного члена (см. тип IV, «смыло йану панос»).

Однако языку свойственно стремление освободиться от несогласованности сказуемого и подлежащего. Устранение этого противоречия могло, как мы видели, происходить двумя путями:

1. Или посредством замены именительного падежа на винительный, благодаря чему возникли безличные предложения. В нашем говоре винительный падеж количественного значения; однако имеются случаи, когда страдательная конструкция заменяется в этих примерах действительным личным глагольным оборотом с винительным падежом; например, в устах одного и того же носителя данного говора можно услышать две конструкции: «пам'атник тапер' поставлено» и тут же — «пам'атник (винит. падеж) поставили», что свидетельствует о разрушении старой, отмирающей конструкции с именительным падежом.

2. Или устранение несогласованности могло происходить путем возврата к более древней форме согласованной личной конструкции типа

«памятник поставлен», «девушка положена». Очевидно, данное явление надо считать новой чертой вторичного порядка.

Каждая из перечисленных выше разновидностей страдательно-безличного оборота имеет свою территорию распространения⁶⁶. В некоторых местах эти разновидности могут частично совпадать по своему употреблению, что, например, наблюдается в западной части северных русских говоров и средневеликорусских (в Новгородской и Псковской областях), где страдательная конструкция с винительным падежом прямого объекта (см. тип X, пункт 3, «*их тут наложено*») бытует на широком фоне оборотов с нарушением согласования, т. е. с именительным падежом объекта (см. тип X, пункт 4, «*дадено огород*», «*девушка положено*»), причем здесь же наблюдается очень часто употребление деепричастия (в прошлом — причастия действительного залога) в роли сказуемого личных и безличных оборотов (напр., «*мое сердце зажимши*») хотя в большинстве говоров употребление оборотов со страдательным причастием и деепричастием взаимно исключают друг друга.

В основном же страдательно-безличный оборот составляет характерную особенность северновеликорусских и средневеликорусских говоров на западе, выходя за пределы русского языка. (О широком употреблении его в других славянских языках, а также в литовском языке уже говорилось ранее).

*
* *

Изученные материалы по безличному предложению показывают, что в говоре безличные конструкции более многообразны, чем в современном литературном русском языке.

При описании безличных предложений встретился целый ряд синтаксических особенностей, среди которых надо разграничивать:

1. Явления единичные, свойственные данному говору и отсутствующие в других русских говорах, а также в литературном языке.

К числу таких явлений относится страдательно-безличный оборот или безличный глагольный оборот с передачей реального субъекта формой множественного числа, предложного падежа с предлогом *У* (или *В* вместо *У*), например, «*у мужуках было принято*»; в других говорах (и в литератур. языке) такому обороту соответствуют предложения типа «*у мужиков было принято*».

2. Типы предложений, свойственные части русских говоров и отсутствующие в других русских говорах. Сюда относятся:

а) безличные предложения с главным членом — кратким страдательным причастием среднего рода с реальным субъектом, выраженным формой родительного падежа имени с предлогом *У* (или *В* вместо *У*), например, «*в меня копано*»; в других говорах им соответствуют предложения типа «*я копала*».

⁶⁶ См. В. А. Матвеевко, Страдательно-безличный оборот в говорах восточнославянских языков. — «Slavia», 1960, № 3, стр. 350—365.

б) употребление несогласованного страдательно-безличного оборота типа «*памятник поставлено*», «*девушка положено*»; в других говорах употребляется согласованная конструкция типа «*памятник поставлен*», «*девушка положена*».

в) употребление конструкций с главным членом — модально-предикативным словом *НАДО* + именительный падеж прямого объекта, например, «*мне жена надо*»; в других говорах им соответствуют конструкции с винительным падежом прямого объекта типа «*мне надо жену*».

г) безличные предложения с главным членом-глаголом *БЫТИЯ* и родительным падежом имени при нем типа «*есть стариков*», в других говорах им соответствуют предложения типа «*есть старики*».

Все перечисленные синтаксические явления характерны для северновеликорусских и части средневеликорусских говоров, в основном для западной группы, а также и для иноязычных говоров западной группы, в частности для литовского и польского языков, что может свидетельствовать о близости грамматического строя славянских и балтийских языков.

3. Из перечисленных синтаксических явлений наиболее многочисленны примеры на употребление безличной конструкции с главным членом — глаголом *БЫТИЯ* и родительным падежом имени (тип «*есть стариков*»), что позволяет ее считать живым явлением говора, возможно, стоящим на грани разговорной формы литературного языка.

4. К числу архаичных явлений говора, встречающихся лишь в единичных случаях у стариков, надо отнести употребление страдательно-безличного оборота с винительным падежом прямого объекта (тип «*их тут накладено*») или с родительным падежом субъекта + предлог *ОТ* (тип «*от людей взято*»), а также употребление одного отрицания вместо двойного при наличии в предложении отрицательного местоимения или наречия (тип «*и было в нас ни дома, ничего*»; в других говорах соответственно употребляется «*у нас ничего не было*»).

5. Черты иноязычного влияния на говор от соседства белорусского, польского и литовского языков проявляются весьма незначительно. К числу их можно отнести:

а) безличные предложения с отрицательным местоимением или наречием в роли главного члена типа «*нет когда ухаживать*», «*нет с кем беседовать*» и т. п.

б) некоторые случаи употребления личных конструкций вместо безличных, например, «*я не имею времени*», «*я не имею голоса*»; в других говорах им соответствует «*у меня нет времени*», «*у меня нет голоса*».

VVPI

Rusų kalbos katedra

Įteikta

1961 m. gruodžio 26 d.

BEASMENIŲ SAKINIŲ TIPAI LIETUVOS TSR ZARASŲ RAJONO RUSŲ TARMĖJE

O. SULIENĖ

Re z i u m ė

Straipsnyje aprašomi vienos rusų tarmės, izoliuotos nuo rusų kalbos teritorijos 300 metų, beasmenių sakinių tipai. Klasifikacijos pamatu paimta beasmenio sakinio svarbiausiojo nario struktūra. Kai nustatomos kurios nors konstrukcijos išlikimo tarmėje priežastys, ji gretinama su senosios rusų kalbos, su kitų slavų kalbų ir lietuvių kalbos, kartu ir su dabartinės rusų literatūrinės kalbos ir kitų rusų kalbos tarmių atitikmenimis.

Beasmenių sakinių aprašyme išskiriama keletas sintaksinių ypatybių.

1. Atskiros ypatybės, būdingos tik tai tarmei, nesutinkamos kitose rusų kalbos tarmėse.

2. Sakinių tipai, būdingi daliai rusų kalbos tarmių (dažniausiai šiaurės vakarų), o taip pat baltarusių, lenkų ir lietuvių kalboms. Tiriamosios tarmės sintaksinės bendrybės su lietuvių kalba rodo baltų ir slavų kalbų gramatinės sandaros giminiškumą.

3. Dažnos ir plačiai vartojamos ypatybės, tarpinės tarp šnekamosios ir literatūrinės kalbos formos, o taip pat retos archaiškos, daugiausia tik senų tarmės atstovų kalboje sutinkamos ypatybės.

4. Gretimų tarmei kalbų — lietuvių, baltarusių, lenkų — įtaka tarmės sintaksei yra nežymi. Tai rodo sintaksės atsparumą kaimynų kalbų įtakoms ir apsprendžia jos archaiškumą.
